

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ОБНОВЛЕНИЕ ЖИЗНИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (к 900-летию создания памятника)

Анотація. У статті розглядається проблема співвідношення вигаданих і реальних подій, описуваних у старожитніх літописах. На прикладі розгортання літописних версій Хрещення Русі показана робота літописця, зосередженого не на фактологічності викладу, а на роздумах щодо значущої події «обновлень життя» та її наслідків для майбутніх поколінь.

Ключові слова: «Повесть временных лет», Хрещення Русі, літописні різночитання, вигадані та реальні події у старожитніх літописах.

*Володимеръ же просвещень самъ, и сынове его, и земля его <...>
И мы в обновенье житья поидемъ [ПВЛ: 54]*

*Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены
Вере и деетисанию [Карамзин Н.М.: 6]*

Проблема достоверности является важнейшей в оценке исторического произведения. Древнерусское летописание в этом плане не представляет исключения. Особенно тщательной проверке подвергается самый значительных из дошедших до нас летописных сводов – «Повесть временных лет», уникальный памятник мировой литературы, в который древнерусские книжники в течение многих десятилетий, как пчелы в соты, собирали исторические сведения от сотворения мира по летам. Осмысливая значимость книжного просвещения, летописец Нестор писал: «велика бо бывает полза от ученя книжного; книгами бо кажемь (наставляемы) и учимь есмы пути покаяню, мудрость бо обретаемь и воздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина» [14: 66]. Такое сравнение книг с реками, по мнению Д.С. Лихачёва, «как нельзя более подходит к самой летописи», соединившей «многочисленные притоки – произведения разнообразных жанров, слившиеся здесь в единое и величественное целое», которое «в своём неуклонном движении от прошлого к настоящему несло в себе широкое осмысление политической действительности своего времени» [7: 271], захватывая, втягивая и наполняя последующие местные, областные, а затем и общерусские летописи.

«Повесть временных лет» как «исходище мудрости» сопровождает общественную, политическую и культурную жизнь вплоть до Петра I, который не только, как и все предшествующие правители государства русского, воспитывался на летописях, но и первым начал собирать летописей и потребовал их издания. И в новое время средневе-

ковый труд книжников оказался востребованным – он пройдёт путь и славных героических летописей, и камерных семейных хроник, и историй «села Горюхина», и снявших верхний – пенный и отхожий – слой историй правителей М.Е. Салтыкова-Щедрина...

Такой величественный и насквозь пронизанный достоинством и любовью к родной земле и значимый на протяжении многих веков памятник, естественно, становится объектом дискредитации и фальсификации. Некоторые противоречия и «тёмные места» летописного текста у современного племени дилетантов вызывают привычные ассоциации «политического заказа», «подтасовки фактов», а некорректные исследователи подогревают нездоровый интерес к «искажению истины» и «ангажированности» летописцев. Однако объективность летописной реальности, которая сама по себе, как утверждал Д.С. Лихачёв, «является как бы частью подлинной действительности того времени» [7: 358], может рассматриваться в соответствующих исторических координатах с поправкой на времена и нравы. С этой точки зрения безусловно авторитетный на протяжении многих веков памятник, ставший не только сосредоточием древнерусской истории, но и сам её создающий, трудно дискредитировать, хотя, конечно, летописные тексты и их своды подвергались определённой правке и поновлениям.

При этом причиной отклонения от фактической реальности могли быть и легендарная составляющая летописи, и сказания седой старины, и свидетельства очевидцев великих событий, передающих своё, нередко субъективное представление, и давление современного момента, и преобразования в политической и общественной жизни, и каноническая истинность средневекового источника, небес-

спорного с современной точки зрения, и великая граница, отсекающая языческое прошлое от христианского просвещения и книжности... Всё это не позволяет применить к летописной реальности известную сентенцию Сервантеса об историках, которых надобно вешать на площади как фальшивомонетчиков, хотя и наивно думать, что летописные тексты не подвергались определённой правке политического, общественного, религиозного толка – владение историей всегда было владением мира. Но кропотливый труд летописцев и их редактирование текста не имело ничего общего с размахом подчисток, замалчиваний, искажений и «переоборотов» (А.С. Пушкин), каких достигли впоследствии «фальшивоисторики», отзываясь на запросы власть предержащих и звонкую монету.

К летописцу можно с полным правом отнести восприятие великих людей А.С. Пушкиным, защищавшим их величие и достоинство от толпы, которая «в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего» [10: 524]. А.С. Пушкин не только читал «старые наши летописи» [8: 215], но и выступал в роли летописца в «Родословной моего героя», «Истории села Горюхина» и великих в своей простоте записках Петра Гринёва. В «Истории Пугачёва» А.С. Пушкин использует материалы П.И. Рычкова об осаде Оренбурга и публикует его летопись в приложении к своему историческому труду, при этом сам подобно летописцу разыскивал различные рукописные списки Рычковской летописи и отслеживал её разночтения (см. [2; 3]).

Всё это позволяло А.С. Пушкину в полной мере оценить «Историю государства Российского» – великий труд Н.М. Карамзина, «первого нашего историка и последнего летописца» [8: 191]. А.С. Пушкин подчёркивал «целых 12 лет жизни безмолвных и неутомимых трудов» – занятия «историка историей, а не чем-то другим» типа «блестящей гипотезы о происхождении славян»: «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека» [там же: 93]. От древних летописцев в наследие Н.М. Карамзину достались «добросовестный рассказ» и «краски» – «нравственные его размышления, своєю иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи» [там же: 191].

Раздумья над летописным повествованием приводят А.С. Пушкина к созданию незабываемого «типа русского инока-летописца», о котором, по мнению Ф.М. Достоевского, «можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и всё значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им извлечённого, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, кото-

рый может выделять образы такой неоспоримой правды» [4: 453].

Гениальное провиденье Поэта предоставляет нам возможность всмотреться в образ древнерусского летописца, который свой «*труд усердный, безымянный*» считает исполнением «*дола, завещанного от бога Мне, грешному*» – «*Недаром многих лет Свидетелем господь меня поставил И книжному искусству вразумил*» [9: 428]. Полное отсутствие личных амбиций, минимальный индивидуализм и восприятие летописания как боговдохновенного дела определяют ответственность летописца прежде всего перед своими потомками – «*монахом трудолюбивым*», который, «*тыль веков от хартий отрянув, Правдивые сказанья перепишет, Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу, Своих царей великих поминают, За их труды, за славу, за добро – А за грехи, за тёмные деянья Спасителя смиренно умоляют*». Он и своим саном («*Тогда уж и меня Сподобил бог уразуметь ничтожность Мирских сует*» [9: 431]), и знаньем, и восприятием мира поднят над мелочностью сиюминутных страстей: «*Минувшее проходит предо мною – давно ль оно неслось, событий полно. Волнуясь как море-окиян? Теперь оно безмолвно и спокойно*» [там же], отсюда его привлекательность даже для Гришки Отрепьева, дерзнувшего выстроить свою историю: «*Как я люблю его спокойный вид, Когда, душой в минувшем погружённый, Он летопись свою ведёт ... Ни на челе высоком, ни во взорах нельзя прочесть его сокрытых дум; Всё тот же вид смиренный, величавый...*» [9: 429].

Для А.С. Пушкина не стоит вопрос о достоверности «старинных наших летописей» [8: 237], поскольку он полностью согласен с мнением Н.М. Карамзина, который считал, что «история не терпит вымыслов, изображая что есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях» [5: 9]. А.С. Пушкин, ссылаясь на Н.М. Карамзина, подчёркивает, что именно в деписании мужей и заключена мудрость летописи [8:191].

Сомневаться в проницательности А.С. Пушкина невозможно: объективность летописца, подерживаемая стыдом и совестью, направляемая Богом, была самой высокой пробы, что зримо было подтверждено образом отца Пимена, который в нашем сознании слился и с личностью великого Нестора, и многих других именованных и безымянных книжников, просветивших грамотой не только свой ум, но и свою землю. Кроме того, ментальность древнерусского человека была отличной от современной, тем более это относится к книжникам и летописцам такого уровня, как Иларион, Никон, Нестор, Сильвестр и др., «чтущих»

прошлое и с достоинством верящих в великое будущее своей земли.

Ибо и время было другое – Русь входила в новый христианский мир, пропитываясь культурой великих народов и высокими религиозно-нравственными ценностями, принятыми открытым – без лукавства и выгод – сердцем, одобренными Верой и пониманием, что *«лепо бе благодати и истине на новы люди воссияти»* [15: 38].

Однако именно в изложении поворота Киевской Руси в *«обновление житья»* и *«просвещения Святым духом новых людей»* [14: 58] в «Повести временных лет» имеются определённые отклонения от действительности, одобренные вымыслом. И это тем более важно, что, по мнению А.А. Шахматова, осью, на которую крепилось летописное повествование, было сказание о начале христианства на Руси.

А.А. Шахматов, предпринявший беспримерные в науке разыскания древнейших русских летописных сводов и с высочайшей точностью и достоверностью реконструировавший на основании различных списков и редакций «Повести временных лет» Древнейший Киевский свод 1039 г. (в редакции 1073 г.) и Древнейший Новгородский свод 1050 г., сняв наслоения Киево-печерского свода 1070–1080 гг. и Начального киевского свода. Благодаря этому А.А. Шахматовым с безупречной убедительностью была восстановлена фактическая часть крещения в древней версии и её переработка в последующих сводах.

По разысканиям А.А. Шахматова, в статье 986 года Древнейшего летописного свода повествуется о приходе к князю Владимиру миссионеров с изложением своего закона (веры). Греческий философ Кирилл был самым убедительным, и после показа картины (*запоны*) страшного суда *«Володимер же, вздохнув, рече: „Добро симь о десную, горе же симь о шуюю“»* [14: 48]. В результате Владимир крестился, вероятнее всего, в Киеве. Но в «Повести временных лет» данное обстоятельство ставится под сомнение: *«Се же не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, ини же реша в Василеве, друзии же инако скажутъ»* [14: 50] – и даётся другая версия, причём свидетельство *«право»* «находит себе опору не в народных воспоминаниях, не в устных преданиях и церковных легендах, а в книжной, искусственной комбинации» [13: 115].

Составитель следующего за Древнейшим Начального свода вкладывает в уста Владимира уклончивый ответ: *«Пожду и еще мало», хотя испытати о всех верах»* [14: 48]. И только на следующий год на совещании бояр выбираются 10 «испытателей» вер, которые в итоге крестились в Царьграде, ибо там служба Богу была такова, что они не поняли, где пребывали – на небе или на земле, и не смогли забыть *«красоты тоя, всякъ бо человекъ, аще вкуситъ сладка, последи горести не приимаетъ»* [14: 49]. Ещё одним аргументов бояр

в пользу *«закона греческого»* стало его приятие *«бабой»* Владимира Ольгой, которая *«бе мудреишии всех человекъ»* [там же]. Тогда же было решено крестить Владимира, *«где любо»* ему. Но наступил 988 год – и Владимир пошёл на Корсунь.

Что же повлекло вытеснение фактов предыдущих версий и появление ряда несообразностей, противоречащих – на первый взгляд – исторической правде? И это несмотря на то, что А.А. Шахматов постоянно подчёркивает честность и достоверность повествования летописца (и Нестора, и его предшественников), который «верно передавал» факты [13: 73], не мог «умышленно умолчать» [13: 67], всегда разбирался в источниках и «подыскивал причины» [13: 95, 97] и под.

Однако свивая сказочность и легендарность седой старины со свидетельствами очевидцев или книжного источника, летописец должен был выстраивать свою версию. Для изложения вариации Крещения Руси, «уклонившейся от исторической действительности», важным становится и значимость события, и слияние «в одно разновременных событий, придавших единство тому, что на самом деле такого единства не имело» [13: 102]. И А.А. Шахматов доказал, что некая нелогичность и растянутость окончательного текста летописного повествования обусловлена введением в него Корсуньской легенды «второй половины или даже последней четверти XI в.» [13: 102], порождённой ещё памятными для киевлян разрозненными фактами крещения Руси и благородной целью их объяснения в соединении «факта крещения Владимира с фактом победы над греками» [13: 116], при этом летописцу-христианину трудно было примириться с тем, что уже крещённый Владимир осаждает и завоёвывает христианский греческий город.

Сам факт крещения Руси и резкого поворота к новой религии Владимира до сих пор представляется явлением духовно-таинственным и закрытым завесой времени, отчасти таковым он был даже для первых летописцев. Митрополит Иларион в своём знаменитом «Слове о Законе и Благодати» (между 1037–1043 гг.) над гробом Владимира вопрошал: *«Како верова? Како разгореса въ любовь ко Христу? Како въселился въ тя разум выше разума земныхъ мудрець?... Како взиска Христа, како предася ему? Повеждь нам, рабомъ твоимъ, повеждь же, учителю нашъ! <...> Дивное чудо»* [15: 46]. Известный историк русской церкви А.В. Карташев феномен крещения сладострастного язычника, только что принёсшего двух христиан в жертву своим идолам, также считает проявлением чуда перерождения сильной и широкой природы в поисках света и мира – «воссиявший в сердце его разум» помог войти в святую купель [6: 110–117], что созвучно выводам Илариона: *«Съвлече же ся убо каганъ нашъ и с ризами ветъхааго человека, съложи тленна, отрясе прахъ неверия и вълезе въ святую купель»* [15: 44]

Следует согласиться с А.А. Шахматовым, что «чудесные события, приведшие Русь к крещению, будили фантазию, давали пищу поэтическому творчеству» [13: 102]: «Я не сомневаюсь в том, что великое событие это сосредотачивало на себе напряжённое внимание последующих поколений русских людей; не сомневаюсь, поэтому, в возможности появления своей, оригинальной, независимой от болгар повести о крещении Владимира и земли Русской» [13: 115].

Летописцам необходимо было осмыслить, как «Володимеръ же просвещенъ самъ, и сынове его, и земля его» [14: 54], соединить эти события, затуманенные временем, политическими намерениями и государственными тайнами, оваянными чудом просвещения верой и книжностью, в *со-бытие*, значимое и знаменательное для потомков.

И в «Повести временных лет» в качестве объясняющего корсунскую осаду разрабатывается мотив добывания князем Владимиром невесты династии гордых Порфиригенитов – как считалось, единственных истинных императоров вселенной. Видимо, это было продолжением притязаний ещё легендарной Ольги, в гениальном своём промысле пожелавшей «выйти из чёрного тела варваров» [6: 99], снискав невесту семьи византийских василевсов своему сыну Святославу, но императорский двор показал «глухоту и слепоту к христианским возможностям нового великого народа» [6: 101]. Владимир, выполняя завет своей бабки, берёт реванш, заставив силой вернуть долг византийских императоров Василия и Константина за помощь в подавлении восстания Варды Фоки. Родство с сестрой византийских императоров «открывало надежды на получение от Византии всех благ и секретов от первенствующей во всём мире культуре и прочного вхождения проснувшегося русского варвара в круг равноправных членов христианской семьи народов» [6: 116].

Всё содержание «Повести временных лет» и древнерусской книжности было направлено на утверждение достоинства нового христианского народа, креститель которого подобен великому Константину – «се есть новый Константинъ великого Рима» [14: 58], – как «онъ съ с матерью своею Еленою крестъ отъ Иерусалима принесьша и по всему миру раславъша, веру утвердиста, ты <Владимир> же съ бабою твоею Ольгою <...> по всеи земли своею утвердиста веру» [15: 48]. Мотив нового, но не последнего и ветхого мощно звучит уже у Илариона, который всё свое гениальное Слово выстраивает на контрасте Закона и Благодати – ветхого и нового: «не вливают бо вина новааго учения благодетьна въ мехы ветхы ... Нъ ново учение – новы мехы, новы языки!» [15: 38]. В «Повести временных лет» об этом сразу же говорит Владимир, «позна Бога сам и людье его»: «Христе Боже, створивый небо и землю! Призри на новые люди сия» [14: 53]. А далее тема постоянно варьируется при неизменном утверждении богоизбран-

ности новых людей и их победах над дьяволом: «и мы въ обновленье житья поидемъ... Ветхая мимодоша, и се быша нови люди христьянскии, избрани Богомъ» [14: 54], «новые люди си, им же обратилъ еси сердце в разумъ, познати тебе, Бога истиннаго» [14: 54], «нови людье, просвещении Святым Духомъ» [14: 58], «радовашеся Ярославъ, а врагъ сетовашеться, побежаемъ новыми людymi христьянскими» [14: 67].

Обновление через овладение книжным богатством становится в Киевской Руси задачей государственного значения (подробнее см. [1]). Князь Владимир сразу же после крещения киевлян «нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди крещенье приводити по всемъ градомъ и селомъ. Пославъ, нача поимати у нарочитые чады дети, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили верою, но акы по мертвецю плакахся. Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, сбысться пророчество на Русьтеей земли, глаголющее: «Во оны дни услышать глушии словеса книжная, и ясны будетъ языкъ гугнивыхъ» [14: 53].

Последнее высказывание представляет контаминацию двух цитат из книги пророка Исайи (35.5; 32.4), которые соединяются отсутствующими в первоисточнике «словеса книжная». Исайя пророчествует о царствии Божиим на земле, когда «сердце легкомысленных будет уметь рассуждать; и косноязычные будут говорить ясно», «откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся». Интересно отметить, что в «Житии Константина» также имеется указанная вставка, наличие которой существенно меняет высказывания Исайи. Смысл не в ликвидации физических недостатков, а в просвещении: «словеса книжная» отверзают уши глухих и делают речь ясной. И если в «Житии Константина» это тесно связано с переводами «церковного чина» и обучением учеников «и утрени, и часам, и обедне, и вечерне, и повечерию, и тайной молитве» [11: 87], то есть внимание акцентируется на том, что славяне восприняли ученье Божье на понятном им, славянском языке, то в Повести временных лет речь идёт о письменной, книжной культуре в широком значении и её следствиях – «на Русьтѣи земли» благодаря «словесам книжнымъ» устанавливается благоденствие.

Так «сбысться пророчество на Русьтеей земли» [14: 51], которое принадлежит призванному первым ученику Христа. В летопись вводится легенда об Андрее Первозванном, которому для апостольского служения был положен Восток с будущей Русью. «Святой Ондрей, брат Петровъ» [14: 9], прорицавший почти за девять веков до Крещения Руси будущую славу Киева, «яко на сих горах восияетъ благодать Божия» [там же], сообщил апостольское измерение Руси не только теологически, но и исторически.

И вслед за летописцами уже Иван Грозный с уверенностью отстаивает самобытность церков-

ных обрядов от апостола Андрея: «Греки нам не евангелие. Мы верим Христу, а не грекам. Мы получили веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат св. Петра, приходил в эти страны» (цит. по: [6: 49]).

Желание «*причтется к великим языцем*» было чрезвычайно острым на Руси, поэтому появляются анахронизмы – к Владимиру приходит философ по имени Кирилл, что даёт основание ряду исследователей отнести первое крещение Руси к хозарской миссии Кирилла (А.В. Карташев, О.Н. Трубачёв [12]), то есть незадолго до 863 г. А в Софийской кормчей XIII в. начало Устава князя Владимира свидетельствует о том, что он «*восприял святое крещение от грецкого царя и от Фотия патриарха царьгородьскаго*» (цит. по: [6: 92]) – учителя Константина–Кирилла, который в своё время крестил болгарского царя Бориса. В этом символическом стремлении утвердиться на равных новому народу, способному «*истинья благодети удержатъ учение*» [15: 38], было желание отстоять своё государство и церковь «от обидного и узкого круга аристократического деспотизма греков» [6: 160] и агрессивности латинствующих.

Для древнерусского книжника реальным было осознание значимости своей земли, её славы и известности, причём Владимир получает более высокий статус, чем новый Константин: «*Хвалить же похвальными гласы Римскаа страна Петра и Паула... Похвалимъ же и мы, по силе нашеи, малыи похвалами велика и дивна сътворившааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеи земли, внука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже ... мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша съ странахъ многах, и победами и крепостью поминаются ныне и словуть. Не въ худе бо и неведомее земли владычтвоваша, нь въ Руське, иже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли*» [15: 44].

Такое осознание событий было обусловлено особенностью подхода древнерусских книжников к истории. Как верно подметил Н.М. Карамзин, летописцы в своём кропотливом труде, в том числе и редактировании текста «смотрели единственно на время», а не «на свойства и связь деяний»,

как современные историки [5: 11]. Основываясь на «вполне достоверных исторических источниках» [13: 378], летописцы прежде всего поверяли их Временем. Поэтому в летописи «нет и тени сознательной выдумки: всё, что в ней описано, принималось летописцем за действительность – были ли то исторические, реально имевшие место события или содержание собственных верований летописца.

Время определяло для летописца и реальность события, и его значимость, и его последствия. Время было тем оселком, на котором заострялась реальность, направленная в будущее. Оно могло выветривать то главное, на чём должна выстраиваться новая реальность, чем должны жить новые люди, отсеяв плевелы, но не отказавшись от ставшего уже неугодным бывшего. В сбывшемся было *так*, но время требует созидать, извлекая уроки из свершившегося и свершённого. И летописец в своих записях по годам устремлялся к соединению *слова и дела*, веря, что слово может воплощаться в новом деле нового времени.

В связи с этим нравственная ответственность летописца перед Временем, Русью и Богом была чрезвычайно высокой, гораздо важнее истории как голого факта: он писал «священную книгу народов», а «народ с жадностью внимал сказаниям летописцев» [5: 6] – и летопись сама творила историю. Поэтому отклонения от прямой исторической линии были важны для летописи – они придавали событиям объёмность временного континуума, ибо накапливались и осмыслялись не только с точки зрения прошлого, но всегда оттачивались на оселке будущего – в величии которого не сомневались!

Обретаемая мудрость в бесконечном – «да ведают потомки» великие и «тёмные» (в том числе и скрытые завесой времени) деянья – для летописца подчинялась главному – жизнь движется не ничтожностью мирской суеты, а великими событиями и мужами, и движение это оправляется, оправдывается и правится Временем и приходящими новыми людьми. И это ведание, правое, правильное, правдивое, – «*исходяще мудрости*» было устремлено на созидание будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекасова Е.Н. Древнерусский текст как феномен греко-славянского культурного мира // Вестник ОGPU. – 2012. – Вып. 2(2). – С. 42–48.
2. Бекасова Е.Н. Регистры языковой личности П.И. Рычкова: летописно-канцелярский настрой // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – Вып. 10. – С. 159–167.
3. Бекасова Е.Н. Язык П.И. Рычкова в координатах эпох // Цивилизационное развитие Оренбургского края. Сб. ст. научной конференции, посвящённой 300-летию со дня рождения устроителя Оренбургского края, первого члена-корреспондента РАН П.И. Рычкова (Оренбург, 26 октября 2012 г.) / науч. ред. С.В. Любичанковский / Мин-во образования и науки Рос. Федерации, – Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т., 2012. – С. 26–41.
4. Достоевский Ф.М. Пушкин. Очерк // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 10. Братья Карамазовы. Произведения 1879–1880. – М., 1958. – С. 442–462.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского / Комментар. А.М. Кузнецова. Т. I–IV. – Калуга, 1993. – 560 с., ил.

6. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т. – Т. 1: Очерки по истории русской церкви. – М.: ТЕРРА–TERRA, 1993. – 688 с.
7. Лихачёв Д.С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Изд. 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – С. 271–358.
8. Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. V. – СПб., 1994. – 903 с.
9. Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. Поэмы. Сказки. Драматические произведения. – Т. II. – Санкт-Петербург, 1993. – 624 с.
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений. – Т. 14. Переписка 1828–1831 гг. – М., 1941. – 583 с.
11. Сказание о начале славянской письменности– М.: Наука, 1981. – 200 с. (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы)
12. Трубочёв О.Н. Несколько лингвистических глосс к моравско-паннонским житиям // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М.: Наука, 1987. – С. 30–45.
13. Шахматов А.А. Разыскание о древнерусских летописях. – М.: Академический Проект, Жуковский: Кучково поле, 2001. – 880 с.

Источники

14. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996.
15. Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева и др. – Т. 1 (XI–XII века). – СПб.: Наука, 1997. – С. 26–61.

Elena Bekasova

*The greatest updating of life in «The story of temporary years»
(to the 900 anniversary of creation of a monument)*

Summary. In this article is considered the problem of fiction and reality of a narration of the most ancient Russian annalistic arches and on the example of forming of the annalistic version of the Christianization of Kievan Rus work of the chronicler concentrated not on a factual statement, and on judgment of the greatest event of "life updating" and its value for education of descendants is shown.

Key words: «Story of temporary years», Christianization of Kievan Rus, different interpretations of the annalistic arches, fiction and reality of a narration.

Одержано 10.06.2014 г.